

Геннадий Григорьевич Красухин

Комментарий. Не только литературные нравы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274052

*Комментарий. Не только литературные нравы. : Языки славянской
культуры; Москва; 2008*

ISBN 5-9551-0227-2

Аннотация

Новые мемуары Геннадия Красухина написаны как комментарий к одному стихотворению. Что это за стихотворение и почему его строки определили построение книги, читатель узнает на первых страницах. А каким образом долгая работа в «Литературной газете» и в других изданиях, знакомство с известными писателями, воспоминания и размышления о вчерашней и сегодняшней жизни переплетаются с мотивами стихотворения, автор которого годится автору книги во внуки, раскрывает каждая её глава. Дневниковая основа мемуаров потребовала завершить рассказ о происходящем, каким оно сложилось к 9 декабря 2006 года, когда в книге была поставлена точка.

Содержание

До того достало	5
Что бабки оседают у жлобов	8
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Геннадий Григорьевич Красухин Комментарий. Не только литературные нравы

Прошлое России было удивительно, настоящее более чем великолепно, а будущее превзойдёт всё, что может себе представить воображение самое смелое: вот с какой точки зрения должно рассматривать и писать русскую историю.

А. Х. Бенкендорф, шеф корпуса жандармов и начальник III отделения Его Императорского Величества канцелярии, генерал-адъютант

Ничего у нас в стране не бывает реальнее и продолжительнее, чем нелепости, освящённые властью.

Александр Нилин «Стрельцов: Человек без локтей»

*Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.
Роберт Бёрнс (перевод С. Маршака)*

До того достало

По понедельникам и четвергам я получаю «Новую газету», которую, как правило, с интересом читаю. Ничто не предвещало **события**, когда 8 июня 2006 года, я развернул свежий номер «Новой». А оно меня ждало. И как раз там, где меньше всего можно было это предполагать, – в небольшой поэтической подборке молодых поэтов.

Молодые поэты, в изобилии печатающиеся в периодике и сети, сейчас настолько плохи, что этот газетный лист я бы равнодушно перелистнул, если б не заголовок одного стихотворения «Шекспир. Сонет 66». Не прочесть сонета, который переводили крупные, даже великие русские мастера прошлого и позапрошлого веков, я просто не мог: это как узнать, что неизвестный тебе исполнитель играет знакомую до последней ноты мелодию, – послушаешь хотя бы из простого любопытства. Допустить, что некий Сергей Шабуцкий перевёл Шекспира выразительней Пастернака, мне, разумеется, и в голову не пришло. Точнее, Пастернак не переводил Шекспиров сонет, он писал по его мотивам. Но и Шабуцкий написал по мотивам сонета 66 Шекспира. Написал, как и Пастернак, 14 строчек оригинального стихотворения.

Так что же, Шабуцкий оказался выразительнее Пастернака? Я бы так вопрос не ставил. Для меня несомненно одно: стихотворение Сергея Шабуцкого – редчайший нынче слу-

чай настоящей поэзии. Его удивительная интонация переда-
лась мне, зазвучала во мне. И я (чего со мной уже очень дав-
но не было) заболел им. Вытвердил его наизусть и твержу,
твержу про себя:

Когда ж я сдохну! До того достало,
Что бабки оседают у жлобов,
Что старики аскают по вокзалам,
Что «православный» значит «бей жидов».
Что побратались мент и бандюган,
Что колесят шестёрки в «шестисотых»,
Что в загс приходят по любви к деньгам,
Что лёг народ с восторгом под сексотов.
Что делают бестселлер из говна,
Что проходимец лепит монументы,
Что музыкант играет паханам,
Что учит жить быдляр интеллигента.
Другой бы сдох к пятнадцати годам —
А я вам пережить меня не дам.

Такое впечатление, что Сергей Шабуцкий подслушал мои
чувства. Только вот озвучил их по-своему, на сленге своего
поколения. Что, конечно, понятно: он ведь о своих, а не о
моих ощущениях написал. У каждого своя жизнь. И у каж-
дого поколения своя. И вот до того достало меня стихотворе-
ние Шабуцкого, что захотелось мне рассказать о своей жиз-
ни, отталкиваясь от каждой его строчки. Причём захотелось
написать не только о прошлой моей жизни, не только о ны-

нешней, но о сиюминутной – о том, что происходило со мной и вокруг меня прежде, теперь, сейчас. Начинаю эту рукопись 29 июня 2006 года. Заканчиваю (это я вернулся к началу, после того как поставил заключительную точку) 9 декабря 2006 года. Так что не удивляйтесь моим выпискам из прессы, ссылкам на журналистов, политиков, чиновников, общественных деятелей, церковных служителей, деятелей искусства и науки, полемике с теми, кто выступал в этот период времени по телевидению, радио, в сети. Чем жил, о том и написал – откомментировал каждую строчку стихотворения Сергея Шабуцкого на свой лад. Хочется надеяться, что поэт на меня за это не обидится.

Что бабки оседают у жлобов

«У, жлобина!» – говорили в моём детстве о том, кто никогда не даст тебе покататься на своём самокате и вообще ничем с тобой не поделится, сколько ты его не упрашивай!

Помню покойную мою матушку, которая раз в неделю доставала откуда-то из груды белья в шкафу сшитый ею мешок (он затягивался резинкой-веревкой), развязывала его и сперва пересчитывала аккуратные пачки сотенных (при Сталине), десяток (при Хрущеве). Потом вскрывала пачку и считала ее: девять банкнот, безукоризненно скреплённых посередине идеально сложенной пополам десятой. Жили мы вчетвером (был ещё младший мой брат) бедно: отец на заводе получал 1200 рублей (120 – хрущевских), мать в детском саду – 500 (50 при Хрущеве). А, скажем, телевизор КВН-49 с экраном размера теперешнего маленького персонального компьютера стоил 1250 рублей. Да ещё сколько-то (не помню) стоила линза к нему. Тем не менее, похороны Сталина я смотрел уже по этому телевизору. Питались мы плохо, постельного белья в доме почти не было: мать экономила на всём. Не для того, чтобы купить телевизор или шубу. А потому, что не любила расставаться с деньгами. Так и вижу её склонившейся над своим мешком, куда непременно раз в месяц следовали добавления. А чтобы следовали, каждый вечер мать брала лист бумаги, записывала все ежедневные рас-

ходы и заставляла меня пересчитывать: выходить за пределы определённого матушкой лимита было делом совершенно невозможным. Вот и научился отец так резать колбасу, что, приложив её кусочек к глазам, можно было видеть предметы и сквозь него (отец этим страшно гордился). А масло на хлеб намазывали таким тонким слоем (только по утрам, на завтрак), что его и вовсе не было видно.

Помню, как вечно недоедающий мой маленький, растущий брат, когда не было дома обоих родителей, отрезал себе толстенный кусок серого хлеба, намазывал его маслом, посыпал сахарным серым песком и быстро съедал. Чтобы потом всё отрицать: ничего, дескать, я не ел – ну как Осип Хлестакову. Или как отец, любящий землю и соскучившийся по работе на ней, когда мы получили садовый участок под Нарой (он и сейчас у меня там), отбил у меня навсегда охоту работать на земле. Корчевать лес, который нам выделили, вдвоём с отцом, вдвоём же рыть метровые (в глубину, длину и ширину) ямы, чтобы сажать в непаханую целину яблони, сливы, вишни, было мне, четырнадцатилетнему подростку, не под силу. В конце концов, к величайшему неудовольствию отца я объявил ему, что огородом заниматься не буду: поливать ещё куда ни шло, но копать землю – нет!

А огурцы, которые выращивались до размера приличных кабачков и солились на зиму, оказываясь непригодными даже для винегрета? А клубника, которая поначалу усыпала крупными ягодами густые кустики, а потом сникла, по-

скольку требовала подкормки, которую получала не слишком щедро!

Бедная моя мама! Я рад, что она не дожила даже до павловской реформы: сознание бессмысленности самоограничения во всём ради накоплений сделало бы её жизнь сплошным мучением. «Для чего же вы так бедно жили?» – спросил старший брат отца, узнав о крупной сумме, оставшейся после матери.

Конечно, понять в какой-то степени мамину экономность (чтобы не сказать скупость) можно: приличный мужской костюм стоил больше месячной отцовской зарплаты, а приличные женские туфли – больше половины материнской. Но ведь не ради костюма или туфель мы жили бедно...

«Определяйте значение слов», – цитировал Пушкин Декарта. Мне эта цитата пришла в голову на днях, когда я увидел разгневанного Лужкова, выступающего перед жителями сносимых домиков в Южном Бутове. «Жлобства мы не допустим», – гневно говорил московский мэр о матери и взрослом её сыне, отказавшихся выселяться в однокомнатную квартиру. Причём тут жлобство? – удивился я. А потом понял, слушая выступления замов мэра о том, какая многокилометровая (кажется, 180 000 семей) очередь стоит в Москве с 1982 года на получение квартир. «И это при том, – возмущались замы, – что в Москве строится столько-то (очень много!) миллионов квадратных метров жилья; из них социального (читай: плоховатого) столько-то (читай:

намного меньше!) миллионов. Так какой же неблагодарностью надо обладать...» ...Чтобы отказаться, добавлю от себя, двум взрослым – матери и сыну – взять однокомнатную квартиру! И кто назвал их «жлобами»? Градоначальник, который запросто, как букет цветов, вручает ключи от элитной квартиры или от иномарки какому-нибудь чемпиону мира или победительнице конкурса «Мисс Чего-нибудь». Высший чиновник, при котором вся чиновничья братья берёт взятки с любого обывателя, даже с нищего гастарбайтера! Кто заговорил о «жлобстве»? Муж единственной в России миллиардерши.

Кстати, не потому ли она миллиардерша, что его жена? Ну, сами посудите. У неё крупная строительная фирма. Наряду с другими её фирма участвует в конкурсе за право выиграть тендер, на который мэрия выставила что-либо: ну, допустим, строительство элитного жилья. Каковы шансы у жены мэра выиграть этот тендер? Смешной, скажете, вопрос? А эта жена мэра ещё владела и производством пластмассовой мебели для кафе типа «быстро», которых в Москве уйма. Чью мебель закупили такие московские кафе? Вопрос, скажете, тоже смешной? Но ведь только так и становятся миллиардерами, расчищая для себя поле, убирая конкурентов.

(Ах, думали ли мы, когда теснили и вытеснили коммунистический режим, что ему на смену придёт не просто диктатура бюрократии, но бюрократии династической! Вот очень типичная нынче ситуация. Супруги-генералы. Он был ми-

нистром радиопромышленности СССР, она и сейчас председательствует в Межгосударственном авиационном комитете СНГ. Их сын – А. П. Плешаков основал известную ныне авиакомпанию «Трансаэро». А через некоторое время, оставив за собой пост председателя её директоров, уступил своей жене О. А. Плешаковой должность председателя правления и генерального директора компании!)

Имея такую жену и занимая такой пост, зачем же обзывать «жлобами» тех, кто просто хотел бы жить по-человечески? Дайте им достойную компенсацию! И без них, говорите, очередников много? Но эти-то, наверное, первоочередники!

И, кстати, как это так получилось, что не рассосалась очередь при таком гигантском количестве новостроек? Вон только вокруг моего дома в Филипповском переулке уже четыре построили. И ещё три начали. Красивые дома. Не скажу, чтобы уж очень добротные: с одного из них так и сыплется потрескавшаяся штукатурка. Но кто бы из очередников отказался туда въехать? Ах, это не для них построено? И напротив моего – длинный, огромный, выходящий фасадом на Гоголевский бульвар – тоже не для них? А для кого? Для тех, с кого можно слупить, как говорят по-нынешнему, приличные бабки: с губернаторов, с депутатов всех дум, законодательных собраний и советов трудящихся, с бизнесменов российских, с олигархов, с тусовочников-эстрадников? Но если вы строите для этих, то уж не петляйте в дебрях великого и могучего! Не оскорбляйте очередников. К тому

же и Крылова неплохо освежить в памяти. Помните у него: «Чем кумушек считать, трудиться...»

А вот и свежая почта подоспела с разъяснениями: читаю в «Московском комсомольце» за сегодняшнее 3 июля 2006 года гневное обличение неких пятерых молодых пройдох, которые умудрились приобрести «у одной из жительниц сносимого пос. Бутово менее шести квадратных метров жилья» и получить в собственность кто по одной шестьдесят четвёртой части дома, кто по одной сто девяносто второй. А теперь обратились с просьбой о предоставлении им отдельных квартир. Причём обратились (цитирую) «именно сейчас, когда «бутовский конфликт» усилиями некоторых политиканов возведён в ранг народного бунта против московских властей». «Не подобные ли случаи, – спрашивает газета, – имел в виду мэр Москвы, когда говорил, что власти города не допустят жлобства?»

Не подобные! Для чего задавать бессмысленные вопросы? Какие-то прохиндеи купили, наверное, московскую прописку и теперь вылезли со своими требованиями на волне «народного бунта». Что ж у них общего со старожилами? И отвечают ли погорельцы за то, что после пожарных в их квартирах побывали мародёры?

А насчёт «некоторых политиканов» я, пожалуй, готов согласиться. Адвокат Андрей Кучерена, председатель комиссии общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов Общественной палаты РФ, вряд ли по-

шёл бы с рогатиной на такую крупную политическую дичь, как наш московский мэр, если б не дали ему отмашку: можно! Ведь сама по себе Общественная палата, придуманная Кремлём, – муляж. Треть её состава назначена президентом, другая треть выбрана этой президентской третью и, наконец, последняя треть – из провинции, то есть прошла через сито отбора губернаторами и местными депутатами. Она призвана создать впечатление, что гражданское общество в России не уничтожено, а напротив – функционирует и даже заставляет властные структуры с ним считаться. А чтобы создалось такое впечатление, передают Общественной палате дела беспроблемные.

Вся страна содрогнулась, когда за гибель алтайского губернатора Михаила Евдокимова, чей водитель «Мерседеса» не просто мчался на огромной запредельной скорости, но выскочил на встречную полосу и врезался в не нарушившего никаких дорожных правил «Тойоту», ответственным назначили Олега Щербицкого – шофёра «Тойоты». И приговорили Щербицкого к лагерному сроку, вызвав массовое протестное движение. Обычно на него давно уже не обращают никакого внимания. А здесь, скорее всего, для того и пошли на явное нарушение всех юридических и человеческих норм, чтобы вмешался в дело Кучерена и внявшие ему судьи отменили несправедливый приговор.

Или история с челябинским курсантом танкового училища Андреем Сычёвым, искалеченным «дедами» – старослужащими.

жащими-сержантами. Сычёву ампутировали ноги, нужна пересадка внутренних органов. То есть беспомощный инвалид подвешен между жизнью и смертью. «Наследили» в этом танковом училище до такой степени, что не одного генерала-начальника надо было снимать, а всё его руководство, к тому же по многим тамошним офицерам тюрьма плачет, не только по изуверам, издевавшимся над Сычёвым.

Семье несчастного пытались всучить взятки, о которых тут же была проинформирована общественность. Разъяснили ей, и за что хотели заплатить – чтобы забрал калека своё заявление об избиении, а судебная медицина представила бы дело так, что пострадал Сычёв от какой-то врождённой болезни.

И тут снова появился бесстрашный Кучерена, заставил продолжить следствие, предложил отправить Сычёва для лечения за границу (правда, этим предложением не воспользовались).

(Вот бы истребовать председателю комиссии общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов положенное на полку судьями дело о наезде на старушку сына министра обороны Иванова. Тот, лихача, на скорости промчался по пешеходному переходу, сбил старушку и как ни в чём не бывало помчался дальше. Старушка умерла. Родственники подали в суд, который чуть не засадил за решётку зятя покойной: тот якобы ударил сына министра. А того, разумеется, оправдали: старушка сама полезла под колёса!

Но для чего бы Кучерена стал ссориться с могущественным министром!)

И за спинами жильцов Южного Бутова маячат враждующие властные группировки. Лужков – фигура очень сложная. С одной стороны, я не забираю назад ничего из того, что сказал о нём до сих пор. А с другой, признаю, что объективно он сделал для москвичей (особенно для стариков) немало хорошего, демонстрирует свою относительную независимость от Кремля, иной раз и неподдельное возмущение глупостью принимаемых у нас законов. Кто-то наверху решил, очевидно, воспользоваться в своих целях справедливым мятежом жителей Южного Бутова – убрать неугодного, сморозившего очередную глупость мэра. Для того и востребован бесстрашный Кучерена.

Стал писать было дальше, но пришлось вернуться – принесли новый «Московский комсомолец», 4 июля: «Какими бы мотивами ни прикрывались защитники бутовчан, добиться они могут только одного: замедления строительства нового микрорайона, предназначенного, в том числе, для очередников». Умиляет эта проговорка: «в том числе» – понимай, что даже там, на окраине Москвы, каждый сверчок должен знать свой шесток! А я-то про Филипповский толковал, про арбатский переулок! Да в центре Москвы домов, наверное, на два Бутова понастроено. Пройдите, убедитесь, поговорите с охранниками, есть ли среди их жильцов «в том числе»? (Коротка народная память! Забыли, как ещё при Горбачё-

ве на съезде народных депутатов разгорелись страсти вокруг дома для партийных начальников на Сивцевом Вражке (тоже арбатский переулок). «Ничего особенного, – утверждали из управления ЦК, – дом как дом, обычный, каких много!» А когда добились-таки очередники, чтобы дом отдали им, вошли в квартиры и ахнули: всё вырвано с мясом, содрано, растоптано, разбито – и импортная сантехника, и цветной паркет, и финские рамы. Вот как разъярился аппарат на тех, кто «в том числе», кто, стало быть, вселяется не по чину! Сейчас, правда, и сама по себе победа обычных обывателей над вельможной-чиновничьей братьей выглядит легендарной!)

«В этой связи, – гнёт своё газета, – особенно неприглядно и цинично выглядят причитания некоторых из них (правозащитников. – Г. К.) по поводу того, что семье бутовчан – женщине с взрослым сыном – московские власти в качестве компенсации за 13 кв. метров в частном доме предложили «всего лишь» 39-метровую однокомнатную квартиру в современной новостройке. Могли бы и знать, что тысячи семей в Москве и миллионы по всей России десятилетиями ютятся в гораздо худших условиях и только мечтают о нормальном жилье».

Господи, да не хотят они отдавать свои 13 за ваши 39, ну и оставьте их в покое! Тем более что 13 – это, наверное, комната, а 39 – наверняка общая площадь, где жилой, может, метров на пять-семь побольше. Ну не хотят мать с сыном переезжать в однокомнатную городскую квартиру! Может, де-

лянка какая-нибудь есть у них рядом с домом, участок, огородик. Так что невыгодно им менять 13 на 18 или 20, теряя при этом землю, которую привыкли обрабатывать. А что до того, что великое множество семей живут ещё хуже, чем эта, то кто же об этом не знает? Вот бы и озаботиться газете: почему же такое знание не подвигло московских чиновников на строительство жилья в первую очередь для семей, ютящихся в ужасных условиях? Почему массовое строительство в Москве сделало город самым дорогим по жилью в мире, почти не оставляя надежды очередникам жить по-человечески?

Впрочем, озаботилась другая связанная с московской мэрией газета – «Метро». Напечатала в своём номере от 6 июля 2006 года письмо в редакцию. Ах, как сладостно-знакомы по недавнему прошлому такие письма! И такие подписи вроде этой: семья Деминых.

«Наша семья стоит в очереди на квартиру со времён Советского Союза, с 1989 года. Ещё в то время, когда мы только оформлялись, появилось радостное известие о том, что в территорию Москвы включают новый район Бутово, где мы очень скоро получим квартиры. После более чем 15-летнего ожидания мы получили надежду с началом освоения территорий Северное и Южное Бутово. Но не тут-то было.

Оказалось, что приступить к строительству наших домов невозможно из-за того, что некоторые жители посёлка Бутово не желают освобождать землю, которая им даже не

принадлежит! Подобное поведение нас, конечно, возмущает, поскольку тысячи семей остаются без положенного им по закону жилья только из-за того, что кто-то хочет урвать побольше из городской казны».

Письмо содержит ещё два абзаца. Но, как говорится, умному достаточно.

Обмельчала, что и говорить, журналистская братия! Или поглупело её начальство? У нас в «Литературке» такая туфта из отдела бы не вышла, не то чтоб на страницу: кто бы её туда пустил?

Помню, вызывает меня Кривицкий, заместитель главного редактора. «Геннадий, – говорит, – нужны письма в поддержку присуждения Исаеву ленинской премии. Набросайте три. Одно от имени студента, другое – от рабочего, а третье – вообще из какого-нибудь сибирского региона, подписанное несколькими читателями». Знал, конечно, Евгений Алексеевич, что были у нас в отделе подлинные письма о поэме Егора Исаева «Даль памяти», недоумевающие, возмущающиеся: за что выдвинули эту малограмотную поэму на ленинскую премию? Я сам их Кривицкому показывал. Усмехался в ответ Евгений Алексеевич: вот, дескать, показать бы их Егору, но не вздумайте, Геннадий, не надо! Знал Кривицкий, да и я знал, да и кто из окололитературной публики не знал, что продвигает Исаева сам Михаил Васильевич Зимянин, секретарь ЦК по идеологии. Егорушкой его называет, глазки сладко прикрывает, слушая исаевское чтение.

Три письма накануне созыва Комитета по премиям – такой заказ не оставляет сомнений: премию, стало быть, дают! «Дают! – подтверждает Кривицкий. – Действуйте!»

И что делать? – писали мы письма и за студента, и за рабочих, и за сибиряков, и за кого только не писали! Но уши всегда запрягивали, подделывались под правдоподобие.

А тут они не то что торчат – вылезли наружу! 15 лет ждём, надеемся и не ропщем, помним, что нам было обещано, но понимаем, входим в положение страны, города... Как пели в оны годы: «Была бы только Родина богатой и счастливою, а мы-то...» А мы, семья Деминых, больше всего озабочены не тем, что столько лет в нечеловеческих условиях живём, а тем, что «кто-то хочет урвать побольше из городской казны».

Месяца полтора назад одного очень старого (ему за 90) и очень известного профессора – кто только на филологическом не слушал его лекций – стали выселять из дома на Пречистенке. Негодный, говорят, дом, будем реконструировать. Если речь не о косметическом ремонте (а с чиновников станется!), то это значит: стены дореволюционные, скорее всего, оставят и нарастят на них новое жильё – элитное, конечно, которое, пока построят, аж дух захватывает, сколько будет стоить! «А вы, – сказали профессору, – подберите себе что-либо и нам сообщите». Профессор согласился переехать поближе к работе, к МГУ. Нашёл примерно такую же по площади квартиру на улице Строителей. «И отлично, – ему говорят, – покупайте: вот вам деньги за вашу квартиру».

Но деньги выдают небольшие, совсем не такие, за какие продают новостройки в центре. «Мы, – объясняют, – действуем по новому Жилищному кодексу. Даём компенсацию за утраченное жилье по рыночной стоимости: дому сто лет, всё прогнило, ничего не ремонтировалось. А земля под домом вам не принадлежит: за неё не платим». Но в той квартире, которая приглянулась профессору, недавно был ремонт. Так что и требуют за неё соответственно. К полученной профессором за старую квартиру сумме нужно добавить ни много ни мало – 50 000 долларов. «Ну и что, – говорят, – доплачивайте и въезжайте». Но откуда профессору взять эти 50 000 долларов или около полутора миллионов рублей? Его месячная зарплата от силы 12 000 рублей. Взятки он отродясь не брал. Вышла недавно его книга лекций – объёмная, но гонорар и на 25 000 рублей не потянул. «Ваши проблемы, – ему говорят, – вы их и решайте, а на Пречистенке вам оставаться никак нельзя»!

Прав дедушка Крылов: «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться». Жлобство – это не просто твоя личная скупость, твоя гомерическая жадность. Такое явление давно уже исследовано Гоголем и названо по его герою «плюшкинианством». Жлобство – это когда твоя непомерная жадность наносит урон обществу, которому ты мешаешь развиваться, загоняешь в стагнацию. Когда личной прибыли ради ты не даёшь осуществиться необходимым для страны и её жителей делам, проектам, преобразованиям. Так что в толкова-

нии подобного понятия Лужков прав. Но кого он в этом обвинил?

* * *

Вот уж кто не был жлобом, так это покойный мой приятель Симон Соловейчик. Я о нём рассказывал в своей мемуарной книжке «Стёжки-дорожки». Сима даже рисовался своей щедростью. Мог, как вспоминает известный журналист, дать в долг и не настаивать на его отдаче. Когда появилась его газета «Первое сентября», он наделил нас, главных редакторов её предметных приложений, правом покупать материал у авторов, – как это было прежде в дооктябрьской России: вам нравится статья, ну и купите её сразу, а напечатаете, когда сможете. Многие удивились такой немислимой прежде практике: прибежали со статьями: «Подходит? И что? Могу получить деньги?» Сима посмеивался. И платил щедро. Всем – и сотрудникам, и авторам.

Правда, через некоторое время оплачивать принятые к печати статьи пришлось прекратить: выяснилось, что этим мы нарушаем какие-то законы. Что ж, Симон Львович подчинился: нельзя так нельзя. Но платили мы за статьи по-прежнему больше, чем другие издания.

Первое время я совмещал своё редакторство с работой в «Литгазете». «Сколько за этот материал ты платишь в «Литературке»? – спрашивал Сима. – А знают ли там, сколько за

такой же ты платишь в " Литературе»?». И удовлетворённо хмыкал, услышав, что не только знают, но поражены: «Вот так-то!»

Поначалу владельцем «Первого сентября» был университет РАО (Российской академии образования) во главе со своим ректором академиком РАО Борисом Бим-Бадом. Но вот фонд Сороса («Культурная инициатива») выделил газете щедрый грант на развитие. Поскольку своего счёта у нас не было, деньги перевели университету.

На эти деньги Бим-Бад поехал в Южную Америку. Не знаю, для каких целей, но знаю, что он обещал Симе не просто отдать этот долг, а с процентами.

Увы. Денег он отдать не смог. Но человеком оказался порядочным: компенсировал потери передачей Соловейчику всего пакета акций. Плюс к этому отдал нам развалюху на Маросейке, которую арендовал, с оплаченной, кажется, ещё на какое-то время арендой.

Не знаю, каким образом выпутывался из такой ситуации Сима. Знаю только, что далось ему это тяжело. Мы остановились и не выпускали свои приложения несколько месяцев. Но зарплату при этом получали неизменно. «Работайте, – говорил всем Симон Львович, – собирайте и отбирайте материалы. Мы обязательно найдём выход. Мы будем выпускать газеты даже из подполья!»

И через некоторое время издание возобновилось! Уже как наше собственное. Как изделие фирмы Соловейчика. Боже,

с каким трепетным восторгом относился он к этому своему изделию. Как он его любил! «Ты мог себе представить раньше, – спрашивал он, – что у тебя будет своя собственная газета, что ты будешь в ней печататься сколько хочешь и печатать кого хочешь? Мне, еврею, такое и в сладком сне не снилось!» Мне, разумеется, тоже.

И я создавал её, свою газету, так сказать, от логотипа до последней страницы, на которой печатал кроссворд и «Литературный календарь». Надо отдать должное составителям Сергею Дмитренко и его жене Ларисе Мезенцевой: их календарь информировал читателей не только о датах рождения или смерти. Но и о том, что такого-то числа (допустим) Толстой записал в своём дневнике такую фразу, а такого-то (к примеру) Достоевский пишет жене о том-то. Календарь привёл Симу в восторг. «Отдай его мне», – просил он. Но Мезенцева соглашалась на это только при условии, если Соловейчик зачислит её в штат «Первого сентября». Подчиняться чужим требованиям Симон Львович не любил, и невероятно популярный у наших читателей календарь остался у нас.

Все рубрики, которые я придумал, нацеливали читателей на занимательность, на отход от шаблона. «Перечитаем заново» – только новое прочтение хрестоматийного текста. «Пантеон», «Галерея» – живо написанные биографии писателей, оригинальное толкование их персонажей. Даже «Словарь» был у нас необычным: литературоведческие термины подавались в нём в игре, выводились из конкретных текстов. Да и

некоторые термины, которые мы объясняли, вы больше нигде, кроме нашей газеты, не встретите. Например, «литературный донос».

Я мыслил свою газету как некий гибрид «Литературки» с «Вопросами литературы». Пригласил сотрудничать в ней тех, кто снискал себе известность на ниве занимательного литературоведения: Э. Бабаева, Ст. Расадина, Б. Сарнова, Л. Лазарева, В. Корнилова, К. Ваншенкина, Я. Хелемского, Т. Бек, М. Петровского, Ю. Манна, С. Бочарова. Печатались в ней популярные у читателей литературы Лев Аннинский и Игорь Золотусский. Связался с Ефимом Эткиндром, с которым был знаком до его высылки за границу, и получил от него карт-бланш: перепечатывать из книг, изъятых после его отъезда из библиотек. Поначалу наладились отношения с Самуилом Шварцбандом из Иерусалима, неплохим пушкинистом. Постоянно печатал статьи о русской литературе Золтана Хайнади из Дебрецена, известного далеко за пределами его Венгрии учёного. Удалось установить связь и с Ильёй Серманом, которого советские власти выслали из страны, скрыв от общественности ту огромную роль, которую он сыграл в издании тридцатитомного Достоевского. Чуть позже сотрудник редакции Сергей Дмитренко сделал нашим постоянным автором своего старшего товарища – прославленного немца-слависта Вольфганга Казака.

Словом, как с удовольствием говорил на планёрках редакторов приложений Соловейчик, «в нашей «Литературе» все

лучшие на сегодняшний день авторы».

Но, разумеется, я понимал, что выпускаю всё-таки школьную газету, которая должна информировать учителей о новациях в мире образования, как информирует «Литературная газета» читателей о новостях в мире литературы. Должны мы давать читателям и какую-то методику преподавания, которая прежде меня не интересовала.

Школьным учителем я никогда не был. Лет пять совмещал работу в «Литературке» с преподаванием в Литинституте, а спустя совсем небольшое время, после того как стал редактором «Литературы», начал профессорствовать в Педуниверситете (бывшем Пединституте им. Ленина). Но, конечно, школьная проблематика и проблемы высшей школы – вещи разные.

Соловейчик дал мне две ставки школьных консультантов и предложил на одну из них взять Льва Соломоновича Айзермана. «Он очень писуч, – сказал Сима, – так что тебе придётся в этом его ограничивать». Я помнил некоторые статьи Айзермана, печатавшиеся и у нас, в «Литературке», и в «Новом мире» Твардовского. В них он неизменно представлял публицистом горячего темперамента. О том, как мы работали с Айзерманом (не слишком долго, года полтора), я рассказал в «Стёжках-дорожках». Добавить к этому мне нечего.

А на вторую ставку я позвал человека редкостного дара, сочетающего в себе литературоведческий талант с талантом

учителя. Что Лев Иосифович Соболев хороший литературовед, я знал по его работам. А что он один из лучших учителей Москвы – по той же «Литературной газете», чьи сотрудники стремились отдать своих детей именно в его школу, именно в его класс, и чьи дети, выходя из класса Соболева, оставались навсегда преданными литературе. На моё счастье Лев Иосифович, с которым до этого мы лично знакомы не были, согласился.

Ему я многим обязан. И авторами-учителями. И его собственными безукоризненными материалами. Он – та воплощённая порядочность, которой так не хватает великому множеству людей из тех, с кем мне приходилось сталкиваться: не помню, чтобы он хоть раз поискал повод, чтоб отказаться от моих просьб, или захотел бы его поискать, как это делали другие сотрудники, намного младше его, – он всегда отзывался, брался за дело и доводил его до конца!

Словом, совместными нашими усилиями мы быстро создали газету, популярную у словесников-учителей, чему Соловейчик поначалу искренне радовался.

Он даже сделал моей «Литературе» щедрый рекламный подарок: перепечатал из неё у себя в «Первом сентября» исключительно интересную статью о «Войне и мире».

Статью эту мне дал почитать поэт Константин Ваншенкин. Её написала его внучка – десятиклассница Катя. Прочитав, я загорелся желанием её опубликовать: феерически талантливая, не по годам умная девочка!

Но в статье полтора печатных листа. Материалы такого объёма уместны скорее на журнальных страницах. А у меня ведь даже не полноценная газета, а предметное приложение. И всё же в нарушение всех канонов я решил рискнуть печатать Катю с продолжением в двух номерах: авось, Сима не рассердится!

Он не только не рассердился, но позвонил сразу же. И долго, проникновенно говорил о статье и о Кате: «Но откуда, откуда такие знания у десятиклассницы? Ты проверял? Это всё абсолютно самостоятельно?»

– Абсолютно! – отвечал я ему. И ссылаясь на Эдуарда Бабаева, которому излагал концепцию Кати и который тоже ею восхитился. А Бабаев о Толстом знал всё. В том числе и все новейшие о нём работы.

Так и получилось, что мы с Симоном Львовичем совместно отпраздновали рождение нового таланта. Напечатанная в двух номерах у нас, статья Кати Ваншенкиной заняла ещё и целую газетную полосу «Первого сентября».

Как соскучились учителя литературы по живому слову, я понял, когда оказался на какой-то встрече с ними. Все хвалили газету, противопоставляли ей новые, только что появившиеся учебники. «Новое в них, – говорили они, – только обращение к запрещённым прежде произведениям. Но написаны они тем же унылым, казённым языком, что и советские учебники».

– Не всё сразу! – отвечал им я. – Должно пройти время,

чтобы ушли старые авторы и пришла талантливая молодёжь. А такое время, кажется, наступает.

Кассандры из меня, как видите, не вышло!

* * *

Да и кто бы взялся предсказать тогда – через несколько месяцев после подавления коммуно-фашистского мятежа в октябре 93-го, что и двенадцати лет не пройдёт, как начнут сбываться самые смелые мечты его предводителей. Ну, жидов и демократов (бывших) на Красной площади пока что не вешают, но скорбные слова о распаде советской империи как о крупнейшей геополитической катастрофе XX века произнесены. И, кажется, всерьёз решили восстановить империю. Вернули советский гимн, передали армии большевистские пятиконечную звезду и красное знамя. Наотрез отказались предать тело Ленина земле и перенести на более подобающее им ритуальное место захоронения и урны – ликвидировать это, наверное, радовавшее сталинский глаз (вах! скольких пережил!) кладбище на Красной площади. Отменили выборность губернаторов, предоставив президенту право их назначать. По сути отменили и сами по себе выборы, создав мощнейший аналог КПСС – партию чиновников и карьеристов всех мастей «Единую Россию», которая захватила парламент да и вообще всю законодательную власть в России и проводит любые, нужные президенту и его администрации

решения. Определила, например, что отныне население будет иметь возможность избирать только по партийным спискам – то есть отсекала возможность проникновения во власть независимых, самостоятельно мыслящих людей. Установила барьер для прохождения партий в Думу – 7 %: небольшие партии, от которых в других странах нередко зависит парламентское большинство, могут не беспокоиться. Выбросила из избирательного бюллетеня так раздражавшую чиновников графу «против всех», а с ней вместе и правило, согласно которому если «против всех» проголосовало большинство, выборы объявляются недействительными. Переняла священный ленинский принцип – лишила депутатского мандата того, кто захотел бы перейти в другую парламентскую фракцию, то есть вернула себе так пригодившийся советским диктаторам демократический централизм.

А блистательная безоговорочная победа властей над СМИ! Оказывается, что для победы никакие Главлиты не нужны – страх потерять место своё дело сделает. А чтоб воцариться такому страху, последовательно убрали с телевидения Сорокину, Киселёва, Парфёнова, Шустера, ещё нескольких, и дело сделано. Как в советское время «Правда» мало чем отличалась от «Известий», «Труда» и «Советской России», так и сейчас почти нет разницы в интерпретации новостей Первого канала, «России», ТВЦ и НТВ. Везде старая советская солидарность с теми, кто борется против Запада, – даже с террористами и фашистами типа иранского президен-

та или премьера Малайзии (они, по нашей версии, пекутся о национальной независимости). Везде старые советские проклятия главному врагу России – США, которые вроде до недавнего времени были переведены в наши союзники. Но союза не вышло: всё-таки не замечать явных нарушений демократии американцы не хотят, вот и облаивают их с телевизионных экранов брилёвы, толстые, павловские и прочие пушковы и соловьёвы!

Пресса, говорите, независима? Это потому, что вы давно уже дальше Москвы не выезжали. А мне приходилось ездить в провинцию, когда работал в «Литературе». Тамошние издания, как правило, – вотчина мэра или губернатора. А московских, пока ещё независимых, я там в продаже не видел. Да если бы и увидел... Ведь это ещё при позднем Ельцине или при раннем Путине началось: помните, что сделал с «Известиями» тогдашний саратовский губернатор Аяцков? Ему не понравилась статья о нём, и он приказал в саратовском выпуске выбросить из статьи то, что ему не понравилось. Так и вышли там «Известия» с купюрами в статье об Аяцкове. И что же ему за это? Публично – ничего, а кулуарно – может, ещё и похвалили!

А что до независимых московских газет, то много ли их осталось? А главное – останутся ли они вообще в ближайшей перспективе? Конечно, прав Сергей Феклюнин, автор «Московского комсомольца» (26 июля 2006 года), вспомнивший советское время и сравнивший его с нынешним:

««Совок» ругали за то, что человек там был винтиком. Большие надежды возлагали на идею прав человека. Но она так и осталась красивым словосочетанием из «их» жизни. В итоге под речи о диктатуре закона построили систему, в которой маленький человек не может найти правды нигде: ни в выбранных им самим органах власти, ни в милиции, ни в прокуратуре, ни в суде. Остаётся только одно – писать в газету».

Но ведь и в этом могут отбить у людей охоту. Только что Дума приняла закон о борьбе с экстремизмом. Любого можно объявить экстремистом, то есть подлежащим уголовной ответственности, если он высказывается против властей («должностных лиц»). А подвести под соответствующую статью орган печати – задачка для третьеклассника! Прихлопнут за милу душу!

Не поленились, сходите в библиотеку. Попросите комплект «Московских новостей», скажем за 1987–1989 гг. Да поспешите: не ровен час – поместят подшивку в спецхран, как при советской власти, вообще тогда не получите без специального разрешения! Не может этого быть? Ну почему же? Моему знакомцу Игорю Золотусскому, например, в позднее горбачевское или в раннее ельцинское время выдали в архиве КГБ дела его репрессированных родителей без звука. А сейчас по этому поводу какой-то новый закон готовится.

Так вот, возьмите тот самый комплект «Московских новостей», которые тогда возглавлял Егор Яковлев, и положи-

те рядом с ним теперешние «Московские новости». Как говорится, почувствуйте разницу!

Я и сам её очень почувствовал, когда прочитал в нынешних «Московских новостях» поразившее меня слово, которым назвал главный редактор Виталий Третьяков обычное, ничем не выделяющееся из прежних послание президента Федеральному собранию, – «гениальное!» Рубанул правду, как шварцевский министр из «Голого короля»: «Вы великий человек, государь!»

Понимаю, что, проглядывая список прежней яковлевской редколлегии, можно удивиться: дескать, как же так? Ведь Третьяков был заместителем Яковлева!

Что поделать? Не повезло шестидесятнику Егору с его более молодым заместителем, как не везло и мне с молодыми сотрудниками в бытность работы в «Литературе». Другое поколение – другое понятие о чести. Не у всех, конечно. Да и я ведь не обо всех. Но о тех, прежде всего, кто вместе с другими придаёт тяги паровозу, который давно уже даёт задний ход и везёт нас до остановки «Коммуна».

Хотя, наверное, всё-таки до коммуны не дойдёт. Да и вряд ли хотят лопающиеся от денег чиновники в Советский Союз в его первозданном виде. Не хотят они партмаксимумов, партминимумов или любых других ограничений для себя, не хотят и социальных гарантий для других. А вот в сверхдержаву – с большим удовольствием! В тоталитарную – чтобы никто внутри страны и пикнуть не смел против их власти. В

вооружённую до зубов – чтобы весь мир их боялся!

Потому и принимают один за другим законы, ограничивающие права граждан, которых лично они в гробу (в прямом смысле этого слова) видели. Потому и утверждают бюджет с возрастающими каждый год астрономическими суммами на оборонные нужды. Якобы на оборонные, потому что никто вроде бы пока о своих агрессивных намерениях в отношении России не объявлял.

Словом, не вышло из меня пророка! Даже умения объективно оценивать людей у меня не достало. Подхваченный эйфорией от событий конца восьмидесятых – начала девяностых, я влюбился в Ельцина и в его команду, не замечая, что цель и смысл ельцинского существования – это борьба не за демократизацию российского общества, а за сохранение собственной власти над ним.

Сколько раз из-за Ельцина или из-за Чубайса я ругался со своим другом поэтом Владимиром Корниловым, который призывал меня опомниться и осмотреться: почему, дескать, если всё так хорошо в стране, как это я себе представляю, так унижительно плохо живут в ней учёные, врачи, учителя – интеллигенция – цвет, генофонд любой нации? Почему банковский клерк получает намного больше профессора? Почему никто не думает о стариках, чьи пенсии сравнимы только с теми, которые они получали при Сталине?

На эти вопросы ответить мне было нечего. И всё равно я не соглашался с Володиёй, верил, что в конце концов сделает

Ельцин Россию процветающей.

Я верил в порядочность Ельцина, искренне растрогался, наблюдая по телевидению, как он прощается с народом, уходя в отставку, слушая, как он просит у народа прощения за всё, что ему не удалось сделать. И не обинуясь проголосовал за его преемника – Владимира Путина: отблеск ельцинского обаяния ложился для меня и на него.

Безмозглый осёл! Это я понял про себя не тогда, когда прознавшие про мой выбор друзья (и особенно Володя Корнилов) стали иронически благодарить меня за то, что «дал России Путина», а когда прочитал путинский указ о гарантиях Ельцину. Ельцину была выдана индульгенция на всё время его пребывания на посту президента и, кажется, до конца жизни: он и его семья освобождались от юридической ответственности за любые преступления. А я помнил, что сам Ельцин наотрез отказался выдать такую же Горбачёву. «Если ему есть в чём каяться, пусть это делает сейчас», – жёстко сказал он.

Теперь-то я понял и что подтолкнуло Ельцина к выбору такого преемника – история Собчака, на чей арест прокуратура уже успела выдать ордер. Путин, бывший член команды питерского губернатора, сумел в последний момент переправить его за границу на частном самолёте.

Не зная сути дела, ничего по поводу Собчака сказать не могу. А вот на Ельцина, занятого в последние годы правления поиском преем – ника, путинский поступок, очевидно,

произвёл сильное впечатление: этот надёжен, этот своих не сдаёт!

Дело даже не в том, что, как написал мне по электронной почте мой бывший коллега по «Литературке», «значит, было за Ельциным и его семьёй нечто»! Я этого и сейчас не утверждаю. Помню, сколько было у Ельцина заклятых врагов! Помню, к примеру, предсказание выступавшего по телевидению Георгия Бооса, тогдашнего заместителя московского мэра, а теперь губернатора Калининградской области, что Ельцин может кончить жизнь как Чаушеску. И реализация такой угрозы в принципе существовала. Из-за того же очень попускаемого Ельциным фашизма, который при нём набирал вес и был почти неподсуден.

Ну, так вы оставили Ельцину охрану? И правильно сделали. Но зачем же от юридической ответственности его освобождать? И не только его, но и родственников?

Словом, выбор Ельцина оказался из обычной серии его расчётливых поступков. Попав в опалу, отказался якобы от привилегий, а потом наделил себя, президента, и своё окружение такими, о которых русские цари со своими придворными не могли и помыслить. Подписывал человеколюбивые указы, которые никто не выполнял не только из-за саботажа Думы, а потому прежде всего, что не было под ними экономических обоснований. Сдал Гайдара, не дав тому завершить начатое, а это всё равно, что, прервав беременность, ждаль от женщины живого плода! Пошёл на поводу у сило-

виков, струсивших поначалу в октябре 93-го, а потом всё-таки подавивших мятеж. Но развязанная ими война в Чечне – не слишком ли щедрая плата за поддержку?

Один мой приятель, достигший очень высокого поста, по поводу ухода Гайдара сказал: «А что Ельцину оставалось делать? Реформы, конечно, хороши. Но народ у нас – говно!»

Да, с одной стороны, это так: всё-таки раба выдавливают из себя по капле, а как быть нашему рабству, которому без малого тысяча лет? Сколько литров этих капель придётся ещё выдавить? Хорошо помню оскаленные хари, выглядывающие из-под портретов Сталина. Помню бешеную злобу, которая подвигла подонка влезть в кабину грузовика, дать задний ход, чтобы задавить милиционера, а потом выпрыгнуть и раствориться в толпе.

Но с другой стороны, помню и многотысячные шествия в поддержку демократии. Какие одухотворённые лица!

А посмотрите по телевизору (пока ещё иногда показывают), как выглядели защитники Белого дома в 1991-м. С каждым хочется побрататься! Каждого обнять!

Что-то подобное напомнил мне Майдан в Киеве, когда оскорбился народ явной подтасовкой голосов на выборах, потребовал пересчёта и добился своего: президентом объявили не нашего ставленника, бывшего уголовника (социально-близкого?) Януковича, а человека, от ненависти к которому хрипли все кремлёвские политологи – Виктора Ющенко, женатого на американской украинке (это подчёр-

кивалось особо и подносилось как невероятное предательство родины!).

Правда, памятуя, как развивались события в России после 91-го и 93-го, я понял, что недолго музыка играла в пользу «оранжевых», когда Ющенко сместил (скорее всего, из ревности, как это делал Ельцин) очень популярную на Украине Юлию Тимошенко и назначил премьером Еханурова. Поэтому и не удивился той наглости, с которой ведут себя сейчас так называемые «голубые» (цвет флага пророссийской коалиции), купившие бывшего коммуниста Александра Мороза и его соцпартию и выдвинувшие в премьеры Януковича: не мытьём, так катаньем!

Я и в 96-м был всецело на стороне Ельцина, понимал, что победа Зюганова не просто потащит страну назад, но накроет её не сдерживаемой никакими законами ксенофобией: Зюганов был не только генсеком коммунистов, но и лидером национал-патриотического фронта. И всё же мне оцарапала душу циничная сделка с генералом Лебедем, «бронзовым призёром» выборов, как он себя назвал. Перед решающим вторым туром в обмен на полученные Лебедем голоса Ельцин поделился с ним частью своих властных полномочий, назначил советником, секретарём Совета безопасности, принял все его кадровые перестановки в Министерстве обороны и в армии, а вновь став президентом, преспокойно всё это у Лебедея отобрал, а его самого прогнал.

Говорят, что значительную часть своего второго прези-

дентского срока Ельцин провёл на больничной койке. Понимаю и сочувствую. Но кто в это время правил страной? Черномырдин – отец нынешнего «Газпрома» и двух сыновей, которые именно там и работают? Киреенко, не остановивший махинации с бумагами по так называемым государственным казначейским обязательствам (ГКО) и ввергнувший страну в пучину такого оглушительного дефолта, который выбил почву из-под ног только-только начавшегося оформляться «среднего класса», то есть людей, успешно начавших свой небольшой – «малый» бизнес и оказавшихся разорёнными? Что Примаков (последнее место работы – внешняя разведка) стал премьером, это, конечно, уступка Ельцина прокоммунистической думе. Но после него два премьера, и оба бывшие председатели ФСБ – Степашин и Путин: явные поиски преемника в среде чекистов!

Мой приятель и бывший коллега по «Литгазете» Олег Мороз написал весьма ценную по объективной информации книгу о выборах 1996 года и о том, как Зюганов не стал президентом. Повторяю, я рад, что Зюганов им не стал, но не могу понять Чубайса, который на вопрос газеты «Аргументы и факты» (№ 26 от 28 июня – 4 июля 2006 года): «Мог ли Зюганов одолеть Ельцина и как бы тогда развивались события?» – ответил: «Без победы Ельцина не было бы ни президента Путина, ни нынешнего экономического подъёма».

Окститесь, Анатолий Борисович! О чём экономическом подъёме вы говорите? Неужто России? И в чём же он выра-

жается? В нещадной эксплуатации её природных недр, которые не могут быть неисчерпаемыми? В брошенной крестьянами и повсеместно уничтожаемой прекрасной пахотной земле? В постоянно растущих таможенных пошлинах на импорт, позволяющих директорскому корпусу задираить цены на никчемную отечественную продукцию и, не боясь конкуренции, не заботиться о модернизации устарелого оборудования? Да, согласен, всё это кого-то обогащает: цены на газ и нефть на рынке высоки как никогда, запредельны цены и на землю, которая гектарами скупается под усадьбы, и, допустим, какой-нибудь захудалый «жигулёнок» вполне сопоставим по ценам с автомобилями в других странах и другого класса. Но экономический подъём предполагает, наверное, не просто обогащения небольшой группы людей. Оглянитесь окрест себя (не своего окружения): много вы видите сытых и довольных?

А что до того, что без победы Ельцина в 96-м «не было бы президента Путина», то это мне напоминает «Песню о Сталине» моего хорошего знакомого Юза Алешковского, которую мы во всё горло распевали (дома, конечно) в мрачные 70—80-е. Помните: «Сижу я нынче в Туруханском крае, / Где при царе сидели в ссылке Вы»?

А что там дальше, помните?

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.

Вы здесь из искры разжигали пламя,
Спасибо Вам, я греюсь у костра.

«Спасибо тебе за Путина», – иронически говорили мне друзья. Я сполна оценил их иронию. Что ж, я её заслужил: доверился тому, кому понапрасну верил много лет.

Но вы-то, Анатолий Борисович, в отличие от меня, Ельцина знали не по газетам и не по портретам. А уж о Путине говорить не приходится: были с ним в одной собачковской команде тех самых питерцев, которые обсели сейчас все властные структуры в России. Знали, стало быть, и об убеждениях Путина, о его тоске по развалившейся империи, о его сдержанно проявляемой симпатии к Сталину, о его удивительном умении говорить одно, а делать совсем другое!

Не знали? Ну так узнали позже. Оценили, наверное, как, отвечая однажды по телемосту на вопрос о возможном переименовании Волгограда в Сталинград, он очень многозначительно сказал, что в Париже есть площадь Сталинграда, а почему она там есть, это вопрос не к нему, Путину. Но мы-то с вами, Анатолий Борисович, знаем, что в Париже есть и площадь Севастополя, и можем ответить, почему там оказались две эти площади: обе названы в честь известных сражений – одна в Крымской войне, вторая – во Второй мировой. В честь Сталина, на что прозрачно намекал тогда Путин, Западная Европа своих улиц не называла. Это в Цхинвали (Южная Осетия), который сейчас в связи с нашим кон-

фликтом с Грузией всё время показывают по телевидению, недавно грохнуло взрывное устройство на улице Сталина – главной улице города. Да где-то у нас, в районе вечной мерзлоты, очень удобном для проживания (вымирания) там узников сталинского ГУЛАГа, благодарные чекисты установили то ли бюст, то ли памятник Сталину. И где-то ещё у нас и на постсоветском пространстве собираются устанавливать памятники людоеду и называть улицы в его честь. А в таком контексте переименование куба на Красной площади с названием города-героя Волгограда в Сталинград выражает не совсем то же самое, что название парижской площади.

А читали ли вы, Анатолий Борисович, беседу Путина, кажется, со скандинавскими (точно не помню!) журналистами, где он в полном соответствии с советской исторической наукой назначил Запад – Англию и Францию – ответственным за сговор Гитлера со Стали – ным: всё, дескать, началось, с Мюнхена. Вот не отдали бы Чемберлен с Даладье Судеты Гитлеру в обмен на честное слово фашиста этим удовольствоваться – это я уже сам логику Путина, следующего за советскими историками, развиваю, – глядишь, и миролюбивый Сталин не высунулся бы со своими территориальными претензиями. Да он, как пишут в прессе и показывают по ТВ, с ними и не высовывался, ведь сговора-то с Гитлером не было – читали об этом? И уж, конечно, не было никаких секретных протоколов – это перестроечная провокация, читали? А что не топили сталинские маршалы врага в

крови своих солдат? Что цифры погибших в Великую Отечественную, которую называли при Горбачёве, не соответствуют действительности: генерал Гареев точно установил, что обе стороны понесли одинаковые потери – от 7 до 9 миллионов каждая? А про 37-й год, что был он не годом Большого Террора, а сталинским возмездием тем, кто измывался над русским народом в 17—21-м? Такая трактовка событий настолько понравилась Кремлю, что её одно время даже на президентском сайте kremlin.ru вывесили. Я написал туда возмущённое письмо. Возможно, не только я, если через некоторое время убрали...

А видели ли вы, Анатолий Борисович, передачу по телевидению о южнокорейском пассажирском самолёте, Бог знает почему пересёкшем нашу границу и сбитом советской ПВО по приказу ещё одного любимого путинского диктатора Андропова? Весь мир тогда, в 1983-м, содрогнулся от ужаса: погибло больше двухсот человек! Даже при Андропове, утверждая, что пассажирский самолёт уклонился от курса со шпионскими целями по заданию американской разведки, мы не рискнули врать, что людей в самолёте не было, что его вёл какой-то камикадзе. И понятно: такое враньё взорвало бы людей, только что так страшно и нелепо потерявших своих близких! А сейчас смотрю: сидит бывший командующий ВВС, генерал и свидетельствует: водолазы со дна извлекли только мёртвые тела экипажа и огромное количество детских башмачков, какими для маскировки, очевидно, са-

молёт и набили. На какие только хитрости не пускаются ради шпионажа!

Подчёркиваю: всё это появилось в СМИ при правлении президента Путина. И вдалбливается в головы новому комсомолу – путинюгенду, как его называют, – «Идущим вместе», «Нашим», «Молодой гвардии» и другим в этом же роде, с кем президент охотно общается.

А вот – тоже не слишком давнее: «Московский комсомолец» за 13 июля 2006 года. В преддверии саммита «восьмёрки» в Петербурге американская, канадская и французская телекомпании спрашивают Путина: «Многие говорят, что в России не настоящая демократия, она не представляет идеалы саммита «восьмёрки». Что вы скажете о демократических ценностях в РФ?» Путин отвечает. Точнее – начинает отвечать так: «Я бы спросил этих людей: «Что они вообще понимают под демократией?» Это философский вопрос, и однозначного ответа на него нет...» Вам это ничего не напоминает? А мне доклад товарища Сталина «О проекте Конституции Союза ССР»: «Говорят о демократии. Но что такое демократия?» Тот же, как видите, раздумчивый зачин. Та же жгучая потребность в осмыслении этого, как выразился господин Путин, «философского вопроса». И те же доказательства преимущества демократии режима, который ты установил, перед демократией «в капиталистических странах» (Сталин), «некоторых стран Запада» (Путин). И те же противопоставления: «Демократия в капиталистиче-

ских странах, где имеются антагонистические классы, есть в последнем счёте демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства. Демократия в СССР, наоборот, есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех. Но из этого следует, что основы демократизма нарушаются не проектом Конституции СССР, а буржуазными конституциями» (Сталин), «Мы категорически будем возражать против использования всевозможных рычагов, в том числе и использования тезиса о необходимости демократизации нашего общества для вмешательства в наши внутренние дела» (Путин).

Что же до другого вопроса, который задали Путину по поводу его отношения к высказыванию вице-президента США Чейни о том, что в России «ограничиваются права людей и действия Правительства России контрпродуктивны», то Путин, ответив: «Я думаю, что высказывания подобного рода вашего вице-президента – это всё равно что неудачный выстрел на охоте», – спародировал шаржированного Сталина из романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема». Там Сталин так и комментирует действия Ворошилова, от полноты чувств выстрелившего в потолок: «Попал пальцем в небо!»

Так что ироническое «спасибо за Путина» моих друзей, Анатолий Борисович, я готов переадресовать и вам.

«А всё-таки жаль», – как пел Булат Окуджава. Рассказывают, что и вы, Анатолий Борисович, были с ним знакомы. Что он хорошо к вам относился. Ну так тем более жаль. Вспом-

ните, что он писал в одном из последних своих стихотворений: «Совесть, благородство и достоинство – / Вот оно, святое наше воинство». «Наше» – то есть его прежде всего и его друзей.

* * *

Возвращаюсь к своей газете.

Уже года через два не было, кажется, в России такого региона, где бы её не знали. Письма в неё шли отовсюду. Я вскрывал их с ликованием, читал с особым вниманием материалы из стопроцентной российской глубинки, по возможности доводил их до кондиции и печатал, заранее предвкушая, с какой радостью они будут прочитаны односельчанами автора или жителями того провинциального городка, откуда он родом. Я печатал незатейливые литературные игры со школьниками, записи уроков рядом с занимательным литературоведением.

Никому не известные прежде авторы выступали рядом с очень известными.

Позвонил Симон Львович:

– Ты читал вчерашнюю «Учительскую газету»?

– Нет, а что там?

– Почитай!

И положил трубку.

Легко сказать: «почитай»! К интернету наши компьютеры

ещё подключены не были, а в киосках «Учительская» уже распродана. Позвонил одному своему приятелю, о котором я знал: он читает всё.

– Да, – подтвердил он, – я читал вчера «Учительскую». Поздравляю!

– С чем?

– Ты не видел? Так сходи в библиотеку, посмотри. Она напечатала результаты опроса учителей. Их спрашивали: какое современное периодическое педагогическое издание вам кажется наиболее интересным? Что-то в этом роде.

– Ну и какое же?

– Разумеется, самой интересной они назвали «Учительскую газету». А иначе для чего бы она опубликовала данные опроса?

– Но я-то тут при чём?

– А ты со своей «Литературой» где-то вверху этой спортивной таблицы. Да ты сходи в библиотеку, посмотри.

Пошёл. Да, речь идёт не о московских, а обо всех российских изданиях. На втором месте – «Первое сентября», на третьем – сейчас уже не помню кто, а на четвёртом – «Литература». За мной довольно большой список других.

Поехал к Симе. Он хмур: «Прочитал?»

– Что же, – говорю бодро, – твоё второе место – потрясающий успех для нового издания. А, может, на самом деле оно не второе, а первое. Ведь для чего «Учительская» напечатала этот опрос? Чтобы себя прорекламирровать!

– А твоё четвёртое? – Соловейчик по-прежнему угрюм.

– Но ведь ты же всё время подчёркиваешь: мы все в одной лодке. Рассматривай и это как твой успех. Мы же – приложение к твоей газете!

– Но почему-то других приложений в списке нет?

– За них, – говорю, – я не отвечаю. И не я же проводил опрос. Я к этому списку отношения не имею.

– Понятно, – сказал Сима. И добавил: – Может, ты перебарщиваешь, приглашая знаменитостей? Всё-таки у тебя не газета, а предметное приложение для учителей школы!

– Вот они и засвидетельствовали в «Учительской», насколько им это интересно.

– Знаешь, – сказал Сима, – о чём я мечтаю? О том, чтобы утром в среду (мы выходили по средам) учитель, идя на урок, вытащил бы твоё приложение из ящика, развернул и обрадовался: урок по «Горе от ума» – как раз то, что ему сегодня нужно. Он приходит в класс, открывает газету и ведёт урок, сверяясь с тем, который напечатал ты. Вот это была бы ему настоящая помощь!

– Но ведь это совершенно бессмысленно, – сказал кто-то из моих консультантов (не помню, Соболев или Айзерман), которому я рассказал о мечте Соловейчика. – Нормальный учитель ведёт урок, не сверяясь с чужим сценарием, а реализуя свой. К тому же он должен чувствовать атмосферу в классе, должен учитывать психологию своих учеников. Хотя сама по себе идея, чтобы газета поспевала по времени за те-

мами, которые именно сейчас изучают в школе, не лишена смысла!

И Лев Соломонович Айзерман (именно он, это-то я помню точно) принёс мне школьную программу, полностью расписанную им по месяцам: когда и что преподают в том или ином классе. Я писал в «Стёжках-дорожках», что помощником мне Айзерман был отменным.

Увы, из этой идеи почти ничего не вышло. К кому обращаться за нужными мне позарез уроками? Далеко не каждый учитель умеет их записывать. Постепенно я обрстал авторским активом из учителей. Многие уроки выуживал из редакционной почты. Но нужные следовало, конечно, заказывать, причём жёстко требовать, чтобы рукопись была представлена строго к такому-то сроку. А учителя ведь не литераторы. Они писать не привыкли. Тем более – быстро писать да ещё и на совершенно определённую тему. Кое-какие материалы, впрочем, печатались в «Литературе» действительно в срок. Но это было редкостью.

И здесь появился сын Симона Львовича Артём. Он приехал из Америки, где что-то окончил, а потом читал какие-то лекции и был теперь назначен нашим куратором – главным редактором всех приложений. В помощники Артёму дали Нану Дмитриевну Козлову, его тещу, с которой мы подружились и которая через небольшое время сделалась главным редактором «Физики», и Марию Юрьевну Дремач, ставшую потом ответственным секретарём приложений.

Уже после смерти Симона Львовича, когда я в 2000-м году праздновал в редакции своё шестидесятилетие, Нана Дмитриевна спросила меня:

– Геннадий Григорьевич, в каких отношениях вы были с Симоном Львовичем?

– В дружеских, – ответил я.

– А вы знаете, какую инструкцию он дал мне, когда брал на работу? Я должна была найти материалы, которые позволили бы уволить физика и вас. На физика я нашла...

Главный редактор «Физики» действительно был человеком ленивым и мало профессиональным журналистом.

– ...а по поводу вас как-то само собой рассосалось!

Увы, не «само собой»! Первый же мой разговор с Артёмом свидетельствует об этом.

– Я внимательно прочитал вашу газету, – сказал Артём, – и пришёл к выводу, что она должна измениться. Я представил себе, что я – учитель, и что в таком случае полезного для себя я нахожу в вашей газете? Очень мало!

– Школа сейчас реформируется, – ответил я. – В программы включили немало новых произведений. Учебников много, и учителя в них теряются. Я пытаюсь дать им материалы для самообразования. Полезные, по-моему, материалы.

– Нет, – не согласился со мной Артём. – Учителя ищут в наших приложениях ответа на вопрос не «что?», а «как?» Как им практически использовать эти ваши материалы для самообразования? Вот что их интересует. И вот на что вы не

отвечаете.

– Хорошо, – сказал я. – Я готовлю сейчас следующий номер, целиком посвящённый Тютчеву. Я отвечу в нём на эти вопросы.

– Что ж, попробуйте, – ответил Артём. – Я подожду этого вашего номера.

Что я сделал? Да то же самое, что сделал бы обычный газетчик. Представил себе, редактируя один материал, что сам являюсь учителем. В этом случае я сделал бы то-то, а здесь обязательно подчеркнул бы то-то, а здесь обратил бы внимание учеников на то-то. Другой материал я попросту прошил всякими «учитель, конечно, сделает так-то», «ученики усвоят, что», «особенно важно, – обратит внимание детей учитель, – что», ну и т. д.

Словом, прочитавший номер Артём оттаял. «Геннадий Григорьевич, – сказал он мне с чувством, – мне очень понравился этот номер. Работайте так дальше».

Нет худа без добра. По-моему, как раз после общения с Артёмом уроки, которые я помещал среди других под придуманной мной рубрикой «Школа в школе», пошли под специально для них выделенной «Я иду на урок».

Артём-то оттаял, а Симон Львович не спешил. Пришли мы с общим его и моим приятелем звать Симу на вечер «Литературы» в ЦДЛ. Я тогда входил в бюро секции критиков и литературоведов Союза писателей и добился расширенного заседания бюро с обсуждением моей «Литературы».

– А для чего мне туда идти? – спросил нас Соловейчик. – Красухин рекламирует свою «Литературу», а мне было бы интересно, что думает народ по поводу газеты «Первое сентября».

Опять – двадцать пять! Будто «Литература» не связана капиллярными сосудами с «Первым сентября»!

– Ну давай, – предлагаю, – устроим обсуждение и того и того.

– То есть, – саркастически уточняет Сима, – газеты и одного её приложения?

Господи, сколько его знал, никогда не предполагал в нём такой завистливой ядовитости! А главное – с кем он соперничает? Ведь это то же самое, что соперничать с частью своего собственного организма!

Но слава Богу, появилась в «Литературке» информация об обсуждении, и Сима сменил гнев на милость. О нём в информации было всё сказано: и о том, что он – основатель, что он талантливый публицист, и что его «Первое сентября» известнейшая газета. Да и были на обсуждении Артём, Нана Дмитриевна и Мария. Рассказал кто-нибудь из них Симону Львовичу, что его имя и его газета были на устах почти у всех выступавших.

Я писал в «Стёжках-дорожках», что был Соловейчик вспыльчивым, но отходчивым. Однажды на летучке газеты «Первое сентября» он в ярости выкрикнул:

– Всё! Вы все уволены! Все до одного! Подавайте заявле-

ние об уходе!

Сотрудники подали заявления. Сима их подписал. Начал набирать новых. Набрал. И вдруг через неделю чуть ли не у каждого из уволенных звонок: Симон Львович извиняется за свою выходку, просит простить его и вернуться. Многие вернулись. Так и продолжали работать в уже увеличенном составе.

Истерик? Может быть. Но при этом был Сима добр. А когда ему что-то сделанное тобой нравилось, он тебя обожал. Носился с тобой как с писаной торбой: всем-всем рассказывал о твоих заслугах, всех призывал тобой восхищаться. Так что я не кривил душой, когда называл в «Стёжках-дорожках» встречу с Симой Соловейчиком огромным везением в своей жизни.

Был он бескорыстен. Очень долго извинялся перед нами, когда приобрёл «жигулёнка», говорил, что считает эту машину общей, что если кому-то из коллектива понадобится ехать в больницу или по каким-то важным личным нуждам, пусть знает, что машина для этого у него есть.

И самое главное – Соловейчик любил своё дело, великолепно знал школьную проблематику и не боялся идти на обострение отношений с каким-нибудь чиновником. «А ты по нему вдарь, – отвечал он на моё возмущение каким-нибудь ведомственным хамом, – у тебя же для этого есть газета!» И я бил, «вдарял», часто с Симиного благословения. Но и без его благословения тоже: он знал, что ни с того ни с сего

я не взорвусь!

Увы, его не стало...

Ни у кого в редакции и сомнения не возникло в праве Артёма наследовать отцу. Правда, я удивился: для чего Артёму нужно было оставлять «Первое сентября» в его первоизданном виде? Ведь Симон Львович делал эту газету исключительно под себя. И был главным и постоянным её автором. Собственно, в этом и была её настоящая ценность. Колонки же Артёма, которые он после смерти Симы поначалу писал в каждый номер, ценности не представляли: слогом он не владел, писал шаблонно и скучновато. И вообще современная эта мода – колонки главного редактора – кажется мне издевательством над здравым смыслом журналистики. Образ главного редактора выражает возглавляемая им газета, а колумнист – это комментатор определённых проблем. Так что зря брался Артём за колонки. К тому же не было у него отцовского авторитета, не было отцовского знания школы.

Думаю, что было бы больше пользы и для него, и для нас, если б он переделал «Первое сентября» в газету бесплатной информации для учителей типа «Из рук в руки». В конце концов, всё нужное ему по своей специальности учитель получает в предметном приложении, а здесь он покупал бы сведения о вакансиях, о новых учебных заведениях, новых пособиях, вообще о любых новациях.

Но советовать Артёму я ничего не стал: не в таких близких отношениях мы находились. К тому же он не вмешивался в

дела «Литературы», предоставил мне полную свободу, зачем же мне лезть к нему со своими непрошенными советами?

А вот создание издательского дома я горячо одобрил: Артём собрался издавать книги! Это же замечательно! Сколько, в самом деле, накопилось прекрасных материалов, напечатанных хотя бы в «Литературе»! Но газета, что называется, однодневка. А материал, перепечатанный из неё в книге, — это тот случай, когда, говоря словами Пастернака, «дольше века длится день».

Начали с серии «Я иду на урок». В нашей газете она называлась «Я иду на урок литературы». Книги были адресованы разным школьникам — 6-го класса, 7-го, 8-го и т. д.

Я попросил составлять их молодого своего сотрудника Серёжу Волкова. Московский учитель знаменитой 57-й школы, закончивший филфак МГУ, он был ослепительно талантлив во всём: искромётный стиль, безупречный вкус, углублённое знание школы, психологии детей, учителей. Он начал у меня печататься прежде, чем пришёл ко мне работать. А пришёл он сразу после того самого вечера в ЦДЛ, где обсуждали «Литературу». Прослушав выступления маститых литераторов, он встал, осмотрел зал и попросил поднять руки тех, кто работает в школе. Рук поднялось совсем немного. Тогда и произнёс он краткую речь о том, какой, по его, учителя литературы, мнению, должна быть газета. Я немедленно пригласил его стать нашим сотрудником.

Мы с ним часто вспоминали это его выступление и всегда

смеялись.

– Да, Серёжа! – говорил я. – Попросить поднять руки тех, кто работает в школе, находясь на расширенном заседании секции критиков и литературоведов, – это, конечно, попасть в самую точку!

– Да я только потом понял, где нахожусь! – улыбался Волков. Я ни разу не пожалел, что доверил ему составление книг: он это делал мастерски и профессионально, это была его тематика. Поэтому удивлялся недоумению своих коллег – главных редакторов других приложений: почему, дескать, я сам не берусь за составление. А для чего бы я, литературовед, стал заниматься не своим делом? За составление платили деньги? Что ж, Волков получал их по заслугам.

Я и в будущем делал то же самое. Когда был создан Педагогический университет «Первое сентября» – для учителей, для повышения их квалификации, каждую газету объявили его факультетом. Деканом стать я отказался. Назначил на эту должность сперва Тамару Эйдельман, потом Серёжу Волкова, потом Татьяну Алексеевну Калганову. Деканы менялись по их собственной просьбе, но всё это – сотрудники, связанные с той проблематикой, по какой в университете читались (печатались) лекции.

Я сказал тогдашнему главному редактору издательского дома Дине Кондахсазовой, что не одобряю её решения сделать составителем очередной книги «Я иду на урок в одиннадцатом классе» (по современной литературе) Сергея Дмит-

ренко. Они с Дмитренко долго работали вместе в Литинституте, а до прихода к нам Дина была главным редактором издательства «Олимп», где дала Сергею возможность составить немало книг в серии «Школа классики». «Да, – согласился я, – библиография, биографические данные – этим он владеет. Но ведь у нас речь идёт об уроках. А их никто кроме Волкова лучше не отберёт». «Да ну! – ответила Дина. – Дмитренко, можно сказать, профессиональный составитель. Он столько книг по разным проблемам в разных издательствах составил! Составит и эту!»

С этой книги и начался у меня конфликт с моей заместительницей Машей Сетюковой.

Я поощрял желание Маши писать о новейшей литературе. Ни критиком, ни литературоведом она не была. Её статьи в основном о журнальных новинках были лишены проблемности или рецензионной основательности. Скорее, это была эмоциональная информация, очень похожая на сочинения отличниц моей школьной поры: вступление, основная часть (пересказ, оценки), заключение. Была у меня в газете рубрика «Новое в школьных программах». Под ней я и печатал Машину информацию: разные программы предполагали хотя бы факультативные знания того, что нынче печатается, за что дают премии и т. п. В газете статьи об этом были более чем уместны: даже московские учителя давно уже не выпиывали периодики. А в школьных библиотеках российской глубинки книги новейших писателей появлялись только бла-

годаря фонду Сороса, его программе «Пушкинская библиотека». Сейчас этот фонд с российской территории изгнали, все его программы закрыли, но и в то (недавнее ещё!) время обеспечить все школьные библиотеки страны книгами и журналами фонд, естественно, не мог!

В газете, повторяю, статьи Сетюковой были не только уместны, но и полезны учителям. А в книге, которая называется «Я иду на урок», они, конечно, выглядели бы нелепо: какое отношение они имеют к урокам?

Тем не менее, они в ней оказались. И не одна, не две, а все статьи (кажется, больше десятка), которые Маша напечатала в нашей газете.

Увы, для Серёжи Дмитренко она была заместителем главного редактора, то есть начальством, спорить с которым он не осмеливался, наоборот, обычно подтверждал начальственную правоту.

Книгу он вообще, на мой взгляд, составил безобразно: в основном из статей своих друзей и знакомых. И – начальства: он предложил Маше перепечатать какие-нибудь её статьи, не предполагая, конечно, размеров её аппетита: ей захотелось выступить с полным собранием своих сочинений.

Я попросил Серёжу Волкова посмотреть вёрстку и сказать, что он думает о такой книге. Конфликтовать с кем-либо Волков тоже не любил. Но вёрстку всё же посмотрел и пришёл в ужас.

Но Маша его и слушать не стала.

– Если у меня тронут хотя бы запятую, – сказала она надменно, – я сниму всё!

– Снимай! – сказал я ей, узнав от Волкова об их разговоре. – Ты что, воображаешь себя золотым пером редакции?

Маша сникла.

– Но мы, Геннадий Григорьевич, уже обо всём договорились, – миролюбиво начал Дмитренко.

– О чём, обо всём? Для чего вы взяли все эти статьи работника редакции? Стыдно быть до такой степени сервильным! – вырвалось у меня.

Маша запомнила слово «сервильный». В моё отсутствие взяла словарь и показала Дмитренко, что оно означает. Серёжа оскорбился.

– Ты должен перед ним извиниться, – сказала мне прознавшая об этом жена. – В любом случае нельзя унижать человека.

Я нашёл способ извиниться. Хотя мнения своего о Дмитренко не изменил.

Несмотря на мои протесты, книга вышла. Препятствовать этому я был бессилен: судьбу книг решает главный редактор не газеты, а издательства или его директор. Единственно чего я добился, – настоял на том, чтобы в сообщении «Общая редакция подсерии «Литература»» стояла не фамилия главного редактора газеты (моя), как это было в других книгах серии, а фамилия её составителя.

Создание Артёмом издательского дома способствовало

перераспределению «родственных» отношений: мы перестали считаться дочками «Первого сентября», встали с ним на равных. Приложения Артём возвёл в ранг газет, так сказать, сестёр «Первого сентября». В логотипах каждой появилось: «Еженедельная газета издательского дома «Первое сентября»».

А книги «Я иду на урок» начали своё победное шествие. Их допечатывали и допечатывали.

А потом прекратили. Оказалось, что где-то за Уралом (или на Урале) наладили издание пиратских копий наших книг. И рынок оказался насыщенным.

Другие издательские серии раскручивались очень вяло. Ближе к моему уходу из газеты издательский дом сосредоточился в основном на выпуске небольших брошюр. Но это произошло уже в то время, когда все наши газеты сильно ужались в объёме.

Начинали мы с восьмистраничных приложений размером, говоря профессиональным языком, А-3 (то есть как «Литературная Россия», «Экстра-М», «Метро» и многие другие). Но ещё при Симоне Львовиче расширились до 16 страниц (полос, как говорят журналисты). Стали в точности размером с «Литературную Россию».

Воспользовавшись расширением, я придумал делать «газету в газете», которую назвал «Семинарием», он располагался в середине. Я придумывал для него эпиграфы, которые менял иногда с какого-нибудь новогоднего номера, но

держал фразу, которую вынес в эпиграф довольно долго, в надежде на то, что она отложится в сознании учителя и он приобщится, быть может, к открывающейся ему истине.

Например: «Нравственная цель сочинения не в торжестве добродетели и не в наказании порока. Пусть художник заставит меня завидовать угнетённой добродетели и презирать торжествующий порок» (В. Ф. Одоевский). Или в другие годы – пушкинское: «...Цель художества есть идеал, а не нравоучение». Или перед тем, как мы перешли на другой формат: «Венера, возбуждающая похоть, плоха. Она должна только петь красоту в мраморе» (Фет – Л. Толстому). Очень важным я считал раскрыть учителю цель и смысл искусства вообще и литературы в частности. Особенно учитывая, что большинство педагогов преподавали в советское время, присвоившее себе опровергнутую всей великой русской литературой XIX века максиму классицизма: «Литература – это учебник жизни».

Предшественник нынешних, шесть раз в год выходящих брошюр, еженедельный «Семинарий» стал мощным обучающим средством. Я имел возможность публиковать в нём солидные работы, посвящённые творчеству одного писателя или одному произведению. Мы вернули в филологию и в педагогическую науку массу забытого, затерянного в старых журналах материала (в основном благодаря Л. И. Соболеву и Б. А. Ларину, большому знатоку истории преподавания литературы в России). Весь семинарий отдавали под

уроки какого-нибудь учителя, вчера ещё мало кому известного, а сегодня, так сказать, проснувшегося знаменитым в педагогическом мире. Я знакомил учителей с работами их коллег из других регионов, так и называя семинарий «Уроки учителей Пензенской области» (или Пермской, или Смоленской, или Башкортостана и т. п.). Иногда наш семинарий шёл под рубрикой «Учимся у учеников», где мы печатали порой восхитительные работы школьников. Был я как-то по делам в командировке в Челябинске и Озёрске – городе физиков, расположенном в Челябинской области. Привёз массу интересных материалов. Напечатали и уроки озёрских учителей и сочинения и рефераты озёрских учеников. Они особенно пришлись по душе рецензенту журнала «Новый мир», написавшему, что, очевидно, настала пора всерьёз говорить об «озёрской школе».

Надо! Надо говорить всерьёз! И не только об «озёрской», но и о «сургутской школе» – например, о гимназии-лаборатории В. М. Салахова, её кафедре русского языка и литературы, которую возглавляет Ольга Александровна Ткаченко. Дважды удалось побывать мне в сургутских классах. С таким удовольствием, которое испытывали дети на уроках от бесед со своими педагогами, я сталкивался редко.

И не только о «сургутской» школе надо говорить всерьёз, но и... Ладно. Перечислять не стану, боюсь кого-нибудь забыть, обидеть. Скажу только, что за двенадцать лет в «Литературе» мне доводилось много раз наслаждаться работами

талантливых учителей, одарённых учеников.

Читал ли наши материалы Артём? Не уверен. Никак не отозвался на известие, что Вольфганг Казак написал о «Литературе» в популярном среди славистов европейском журнале. О нас писал не только Казак. Мы вывешивали ксерокопии статей на всеобщее обозрение. Артём не произнёс ни об одной из них ни слова.

* * *

Но и не мешал. Точнее – ни во что не вмешивался. И я был благодарен ему за это.

Однако грянул дефолт. Некоторое (недолгое) время мы выходили в укороченном виде (на 8 полосах), а потом вернулись к прежнему объёму. Не сразу, но стало обнаруживаться, что в отличие от покой – ного Симона Львовича, ощущавшего себя прежде всего нашим коллегой, Артем чувствует себя хозяином фирмы и ведёт себя соответственно своему чувству. Я не люблю считать в чужом кармане, но иномарки, на которые пересело ближайшее окружение Артёма, его яхта, его собственные роскошные автомобили показывали, по-моему, что финансовые дела фирмы были очень не плохи. Тем не менее, если верить Артёму, они всё более и более становились ужасными: он связывал это с падением суммарного тиража газет.

Он приказал поменять их формат на А-4. Это размер

обычного листа бумаги для ксерокса или для принтера. Объём, правда, остаётся тот же. Будем выходить на 64 полосах. Тот же, стало быть, да не совсем. Теряем за счёт укороченности страниц примерно до пятой части текста. Но не только это побудило меня идти объясняться с Артёмом.

– Артём, – сказал я ему. – Человек по своей природе консервативен. Привычка, как вы знаете, – вторая натура. Нормальные газеты, учитывая это, не меняют свой облик десятилетиями и даже столетиями. Только на изменении формата мы можем потерять значительное количество подписчиков.

– Из-за этого, – отмахнулся он, – не потеряем.

– И для чего нам такая цветная обложка? – продолжил я. В демонстрационном варианте она была представлена такой, какой сейчас вы её можете видеть: сзади обложка была размером с газету, а спереди – в половину газетного листа. – Я недавно вернулся из Парижа, – говорю, – в подобных обложках издания, как правило, бесплатные, рекламные, валяются в мусорных баках.

– Мы ведь живём с рекламы, – ответил Артём. – А рекламодатели требуют цвета. С одной стороны обложки я возьму... (он назвал очень крупную сумму).

– А передняя торчащая половинка для чего?

– На её внутренней стороне я тоже помешу рекламу. И вам будет от этого хорошо, и мне.

Но никому хорошо от этого не стало. Задняя обложка действительно нередко рекламировала книги «Просвещения»

или «Дрофы». Но другая её сторона и та внутренняя, укороченная, содержали информацию о нашем издательском доме или о нашем университете. Ясно было, что Артём просчитался.

Признавать собственных ошибок он не любил. А вот взыскивать за них с других обожал.

Конечно, от изменения формата мы все потеряли в тираже. Но моя газета потеряла не только из-за этого.

Сколько лет мы вели войну с Министерством образования, которое усиленно пропихивало в школы так называемый единый государственный экзамен (ЕГЭ) – тестовые испытания детей. На всех совещаниях учителей-словесников одна и та же резолюция принималась либо единогласно, либо подавляющим большинством: тестовая проверка по литературе погубит этот школьный предмет. Спрашивать ребёнка: «Кто главный герой «Отцов и детей»?», предоставляя ему выбирать из вариантов ответов: «а) Евгений Онегин, б) Митрофан Простаков, в) Евгений Базаров», – никому не нужно издевательство и над классиком, и над его книгой, и над её читателями.

Я выступал по этому поводу не только у себя в газете. Писал и в «Учительскую газету», и в журнал «Народное образование», и в сетевой «Русский журнал». Больше того. Написал письмо, которые согласились подписать председатель русского Пен-клуба Андрей Битов и его генеральный секретарь Александр Ткаченко (его напечатала «Новая газета»). Я

прочитал недавно о том, что вокруг ЕГЭ велись якобы жаростные споры. Свидетельствую: никаких споров не было. Не было спорящих сторон, а были противоборствующие: педагогическая общественность (учительская масса) против чиновников от образования (представителей власти). И хотя абсолютное большинство боролось с ничтожным меньшинством, победа меньшинства была предопределена правилом, которое установил ранний путинский режим: общественности предоставлена широкая свобода высказываться, а властям – делать своё дело, не обращая на эти высказывания никакого внимания.

Особенно настойчив и назойлив был заместитель министра Виктор Александрович Болотов. Сейчас он возглавляет Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки. Этот железной рукой вёл школу к ЕГЭ от совещания к совещанию, то есть от победы к победе. Потому что на каждом совещании цифры школ-сторонников ЕГЭ, которые называли министры российских регионов, возрастали многократно. До нынешнего года сопротивлялась Москва. Но и она в этом году капитулировала. Из всех вузов, не согласных зачислять абитуриентов в студенты по результатам ЕГЭ, остался один МГУ. Но не даром пошли из Кремля слухи о готовящемся законе: кроме ректора в вузе будет ещё и президент, причём кандидатуры того и другого вузовский персонал будет избирать из тех, кого ему предложат чиновники от образования – федеральные или местные. Из своей среды без согласования

с начальством выбрать ректора (и для чего-то ещё президента) у вузовского коллектива не получится! Этого нет нигде в мире? Ну так будет в России – в стране управляемой демократии! (И Российскую академию наук собираются захватить – подчинить её правительству, тому же Министерству образования и науки, лишить академиков права самим решать, кто будет её президентом, – за них это сделает ни больше ни меньше, как сам президент России!)

Нет, пока что какие-то предметы разрешено сдавать в формате и ЕГЭ, и обычных экзаменов. Но историю уже нет. Болотов плотно закрыл уши, чтобы не слышать возмущённого рёва, и самолично подписал приказ: экзамен по истории отныне может быть только в форме тестов.

«Где происходила встреча наших и союзных войск? – 1) на Калке, 2) на Березине, 3) на Эльбе».

Бред? Таких тестов не может быть? Ну почему же! Предложили ведь в позапрошлом, 2004 году, на экзамене по истории такой проверочный текст: «Запрет генетики в СССР был связан с именем академика: 1) Т. Д. Лысенко; 2) А. Д. Сахарова; 3) Л. Д. Ландау; 4) И. В. Курчатова». Чем он лучше или хуже того, который я придумал? Правда, сейчас больше уповают на какие-нибудь мини-изложения, мини-исследования.

Почему не выдержал Болотов и стукнул кулаком по столу по поводу истории? Сам он объясняет свои действия заботой об «историческом мышлении» ребёнка: «Для меня главное в преподавании истории – научить размышлять»: «Напри-

мер, что было бы, если б в Октябрьской революции победили не большевики, а левые эсеры? Или Октябрьская революция не состоялась, а взяли бы власть кадеты?» Призывает Болотов преподавателей истории «в старшей школе учить рассуждать: давайте посмотрим на это событие с разных позиций, представим, что было бы без монгольского нашествия. Как развивались бы события?»

«Действительно, – иронизирует по этому поводу Анатолий Шикман, учитель московской гимназии № 45, – что было бы, если бы Виктор Александрович Болотов родился не мальчиком, а девочкой, если бы он занимался не математикой, а вышиванием, если бы он в годы оны не вступил в КПСС, а затем, в другие годы, из неё не вышел, смог ли он сделать блистательную административную карьеру?»

Ибо «даже толковому школьнику известно, – пишет дальше в «Новой газете» (10.08–13.08.2006 г.) Анатолий Шикман, – что история ценна именно тем, что позволяет понять, каким образом мы стали такими, какие есть, а не фантазиями на будто бы историческом материале, ценность которых лишь в том, что их невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть».

Для того я и позволил себе эту позднюю вставку, что она наглядно показывает удручающий непрофессионализм тех, кто стоит у руля российского образования. Каких, в частности, профессиональных суждений можно ждать от математика, управляющего историей?

На самом же деле Болотов стукнул по столу, потому что прежде него по своему столу стукнул кулаком кремлёвский сановник. Помните вельможный гнев кого-то из небожителей, прочитавшего новый учебник истории для школы: «Кого мы воспитываем? Что это ещё за пораженчество (это по поводу реальных фактов)? Почему в учебнике отсутствует патриотический пафос (это по поводу советских легенд о героизме)»??

Да и Владимир Владимирович Путин, как сам недавно сказал журналистам, озаботился историей, занялся самообразованием: на юридическом и в чекистских школах нет в программах Карамзина с его «Историей государства Российского». Вот и читает, нет – слушает он по пути на работу карамзинскую историю, записанную на диске, – аудиокнигу.

Ох, как ошалели от такой информации чиновники от образования: «Гениально! Аудиокнига! Вот что нужно школе!» И пошли штамповать русскую классику на дисках. А что? Очень удобно! Сидит ребёнок в метро, покачивается, а из наушников ему: «Она любила Ричардсона / Не потому, что-бы прочла...» Огромная, говорят, от этого польза: всё же не Валерия какая-нибудь и не Дима Билан – Пушкин!»

Вот и Александр Исаевич Солженицын так воодушевился телесериалом по «Идиоту» Достоевского, что дал режиссёру и исполнителю главной роли премию своего имени (кстати, кого вы знаете из тех, кто при жизни учредил бы премию своего имени? Ну да, Сталина. Наверное, Туркменбаши. А ещё

кого?). Понять Александра Исаевича можно: не «Менты» на экране и не «Дом-2» с Ксенией Собчак, а Достоевский!

Понять-то можно, да радоваться этому не хочется. Ездил я, и не один раз, на всероссийские олимпиады по литературе. Читал работы лауреатов. И за голову хватался: инфинитив, как правило, без мягкого знака, и наоборот – глаголы 3 лица совершенного времени с мягким; разницы между местоимением и существительным с предлогом лауреаты не ощущают – в одном месте пишут: «Поехал ей на встречу», в другом: «Навстречу с ним она прийти не захотела». «Что же это такое? – спрашиваю у постоянного председателя жюри Льва Всеволодовича Тодорова. – Как же можно с такой грамотностью объявлять человека лауреатом?» «А мы, – слышу, – олимпиада по литературе, а не по русскому языку. Это там оценивают грамотность. А мы – литературные знания, эрудицию».

С легендарных времён первых гимназий в России ученики писали сочинения, которые их учителя оценивали двумя отметками – за грамотность и за литературные знания. Так и в моём школьном детстве было, и в школьном детстве моего сына. «Тема-то раскрыта, – объясняли, – молодец. За это тебе пятёрка. Но вот забыл поставить запятую после вводного слова, потому по русскому и четвёрка». И ничего против этого не возразишь: обязательно надо отделять запятой вводное...

Сейчас низкая грамотность людей стала настолько удручающей, что создали специальный совет по русскому языку. Его то ли почётным, то ли просто председателем стала жена президента. Вот, скорее всего, по рекомендации этого совета и разделили русский язык и литературу. Объявили русский язык государственным предметом. А это значит, что во всех вузах, независимо от их профиля, будут приёмные экзамены по русскому языку, а не по литературе, как прежде.

В моё время изучение русского заканчивалось в неполной средней школе. И в семидесятые – в школьные годы сына – тоже. Да и несколько лет назад ещё так было. А нынче литературу потеснили, можно даже сказать: вытеснили. Или если уж совсем точно – урезали. Постепенно, внедряя ЕГЭ, перераспределяли часы на изучение того или иного предмета. Оставили литературе жалкие крохи времени. А теперь и от этой кучки отгребли. На русский язык, который появился в старших классах.

Для чего он там нужен? Для повторения пройденного в младших классах? Ведь это всё равно, что старшеклассников вернуть к арифметике, урезая часы, допустим, на тригонометрию.

Министерство никаким разумным доводам не внимает. Делает своё дело – уничтожает школьный предмет, ни на ко-

го не оглядываясь.

Не бескорыстно, конечно. Недаром поначалу горячо взялись заменять выпускное сочинение изложением. «Надоели претензии родителей к проверяющим сочинения учителям, – объясняла Лидия Макаровна Рыбченкова, заместитель начальника Департамента образования Москвы. – Слишком порой субъективны их оценки. И основания для субъективности сочинения дают!»

Дважды я писал – у себя в газете и в сетевом «Русском Журнале» – об этой горячей стороннице изложения. Она добилась, чтобы изложение писали на выпуске из неполной средней школы – девятиклассники. И узаконила учебное пособие, из которого следует учителям брать материалы для экзамена. Представьте себе, каким тиражом оно напечатано и постоянно допечатывается: ведь оно обязательно для всей России! У этого пособия два автора. Один – заведующая редакцией издательства «Дрофа», выпустившего пособие. Второй... Рыбченкова, ставшая не так давно начальником отдела Департамента общего и дошкольного образования Минобрнауки России!

Некогда очень крупный чиновник министерства рассказывал мне, почему Болотов и компания уничтожают национальную нашу систему образования с помощью этого пресловутого ЕГЭ. Оказывается, тестовая экзаменационная система есть во многих странах Запада. Наши документы, подтверждающие полученные знания, – аттестаты, дипломы,

там, в этих странах, как бы не полноценны: нужно проходить какую-то дополнительную проверку. Существует Международный банк реконструкции и развития (если я правильно его называю), который даёт деньги, и немалые, на нивелировку, на выравнивание. Услугами этого банка пользуются обычно слаборазвитые страны Азии или Африки, у которых, как правило, своих сложившихся форм управления хозяйством или своей системы образования нет. Банк предложил очень хорошие деньги и нам. Возвращают их в том случае, если банк обнаружит, что реформы проведены не были.

«Мне редкостно везло в жизни, – признавался академик Борис Викторович Раушенбах. – Повезло и в науке, и в преподавательской деятельности. Тем более в России, где система образования много выше, чем в других странах, на несколько голов выше...» Основоположник нового направления в космических исследованиях, работавший с Королёвым и Келдышем, профессор знаменитого Физтеха в подмосковном Долгопрудном, он читал там лекции не только по своей специальности, но и курс под названием «Иконы», написал десятки специальных книг по космическим направлениям в физике и книги о Троице, о теории художественной перспективы. Так что его слова о том, что в России система образования «на несколько голов выше», чем в других странах, – это не похвальба кулика своим болотом. Раушенбах знает, о чём говорит:

«В XX веке появилось много «умных» людей, – я, разуме-

ется, не считаю их умными, поэтому беру это слово в кавычки, – которые любили разглагольствовать, проповедуя идею свободного, без принуждения, развития ребёнка. В результате эта тенденция привела к резкому ухудшению образования на Западе. Ребёнок не будет учить что-то сам, зачем ему это надо, тем более если перед ним сложные, недоступные его уму вещи! Идея современной западной педагогики о естественном ненасильственном пути, может быть, и прекрасна, но достигает мизерного результата. Таково моё впечатление, основанное на фактах.

В своё время моя внучка училась в Германии, и мне было интересно узнавать от неё, что же происходит в немецкой школе, в нормальном учебном заведении, где она занималась в течение целого месяца. Поскольку внучка свободно владеет языком, ей оказалось нетрудно вписаться в процесс, и я имел возможность наблюдать его со стороны и изнутри. Оказалось, что более убогого учреждения, чем немецкая школа, представить себе невозможно, внучка была в ужасе, говорила, что одноклассники – тупицы, ничего не знают! И учитель считал, что она несравнимо переросла тот класс, в который попала соответственно своему возрасту, и говорил ей: «Тебе надо бы перейти в старший класс, там могут быть ученики на твоём уровне»».

А вот взгляд Раушенбаха на сегодняшнюю систему образования в России, увы, уже устарел: «Должен отметить, что система образования XIX века сохранилась у нас то ли по

недосмотру наших начальников, то ли ещё по какой причине, но, к счастью, сохранилась! И не дай Бог, какой-нибудь начальник очнётся и примется перестраивать её на американский лад, тем более что в начальники, как уже неоднократно говорилось, идут в основном пустозвоны».

Очнулись, Борис Викторович! И оказались не просто пустозвонами, но жлобами! Деньги у банка хапнули. И началось выкручивание рук и затыкание ртов. Особенно это касалось учителей литературы. Она ведь меньше всего поддаётся тестированию, которое может обнаружить только то, что человек читал книгу. Но что он в ней вычитал, обнаружить не в состоянии. Отменив сочинение, корыстолюбивые чиновники отменили и главную миссию учителя, ради которой он пришёл в школу: приучить ученика любить книгу, вникать в её текст, в его особенности. А кроме того сочинение давало полное представление о грамотности ребёнка.

Какая, однако, трогательная забота о наших согражданах, призванных властями встать в одну шеренгу с Западом. Ни в чём другом власти своим гражданам сравняться с западными не позволяют: как можно? – у России свой особый путь, Запад ей не указ! А разрушить традиционную систему образования – да ради Бога: платите только денежки!

Оказывается, что и государство платить собирается! Ради такой сногшибательной новости делаю в эту главу вставку – выписываю из «Новой газеты» (7.08—9.08.2006 г.) информацию о том, как будет Министерство образования раз-

давать регионам субсидии из федерального бюджета: «Ещё в июле, на первых порах обсуждения субсидий в Министерстве образования, стало ясно, что деньги будут давать тем регионам, которые проводят в свет инновационную политику министерства. Тем же, кто до сих пор упрямится, придётся стать более сговорчивыми. Или жить на собственные средства».

Как говорили ещё со сталинских времён: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим!»

Аудиокниги или видеокниги (телесериалы) – следствие всё того же эксперимента, который отучает людей читать. А ведь, как писал Пушкин, «чтение – вот лучшее учение». И действительно лучшее: ещё до того, как разъяснят ребёнку правила правописания, он, приученный читать, непременно зафиксирует, что то-то и то-то, оказывается, пишется так-то и так-то. В этом и состоит суть так называемой «врождённой грамотности». А без чтения заучивание грамматических правил превращается в скучнейшую зубрёжку, которой не излечишь недуга, даже если введёшь уроки русского языка во всех вузах на всех курсах!

Всё это я ещё и к тому, что унижение литературы в школе не могло не сказаться и на тираже моей «Литературы», которая, впрочем, мужественно держалась сперва возле отметки 15 000, потом возле 10.

Артём и его команда вникать в такие тонкости не хотели. «Вот Марк Сартан, – говорил мне Артём. – Он по про-

фессии не психолог. Однако видите, каким тиражом выходит его «Школьный психолог»?» «Но много ли у него конкурентов? – спрашивал я. – Много ли выходит изданий по школьной психологии? А ведь это новация. Прежде в школе психологами не интересовались».

– Ну почему же нет конкурентов, – говорил мне позже Марк Сартан, назначенный Артёмом завоём рекламного отдела, главным редактором газеты «Искусство» и куратором брошюр того блока газет, куда попала наша. – В Питере было издание по школьной психологии. – А по поводу проблем с литературой, низведённой Министерством до уровня рисования или пения, сказал: – Думаете, только у вас проблемы? Все жалуются: и химики, и биологи. Однако, вот... – и он демонстрировал на своём ноутбуке графики, показывающие, что химия за последние годы потеряла в тираже меньше, биология – тоже, а вот литература! – Вот так, Геннадий Григорьевич! – сожалеюще говорил Марк.

Марк потому и получал столько должностей, что входил в артёмовскую административную команду. Человеком он был неплохим и не то что не ощущал своей некомпетентности, но прикрывал её некой надменностью в разговоре с другими. Главной его козырной картой был, конечно, тираж газеты «Школьный психолог», которую он передал другому, чтобы возглавить «Искусство» взамен единственного, кроме меня, остававшегося в редакции профессионального газетчика Нелли Измаиловой. Она много лет проработала в

«Известиях» и была знакома со всеми деятелями культуры в России, которых легко привлекала к сотрудничеству. «Искусство» было красивой газетой: она (увы, только она!) печаталась в цвете. Учителей нового предмета МХК (мировой художественной культуры) в школе намного меньше, чем учителей других специальностей. Поэтому 3000 (тираж «Искусства») удивлять не должны. Тем не менее, именно потому, что предмет этот новый, его преподаватели должны были быть рады любому помогающему им материалу. Нелли Измаилова это понимала. А вот сменивший её Марк Сартан вряд ли.

Помню, прислали мне из провинции объёмную работу, посвящённую живописным портретам русских писателей. У каждого живописца – своя концепция, это понятно. Но провинциальный автор весьма интересно показывал, как по-разному видят живописцы одного и того же писателя, и убедительно доказывал, что по-своему прав каждый портретист, ибо опирается на определённое произведение автора, на определённую его черту. По своим размерам работа тянула на брошюру, и я предложил её Марку Сартану, убеждённый, что он с радостью ухватится за такой материал. Увы, он объяснил мне, что не видит смысла в том, чтобы образовывать учителей МХК (а через них и учеников). Потому и ушла Нелли Измаилова сразу и со всей своей командой, что не согласилась с концепцией Артёма, которую он развил на очередном совещании главных редакторов: побольше мето-

дики, а в идеале – одна только методика!

– Вот и тебе стоит подать заявление об уходе, – сказала мне жена.

– Подожду, – ответил я. – Может, как-нибудь выкручусь! Зря я к ней тогда не прислушался! Надо было уйти! Что со всей командой не получится, это я понимал, хорошо зная обоих Сергеев – Дмитренко и Волкова. Захотят остаться – ради Бога!

И всё-таки я сообщил Дмитренко, что подумываю об уходе. «Мы уйдём вместе, Геннадий Григорьевич!» – горячо сказал он. А через некоторое время получаю послание от Соболева: что происходит в редакции? Дмитренко написал, что, дескать, могут быть какие-то кадровые изменения и что он, Дмитренко, останется в редакции только в том случае, если главным назначат его, Льва Иосифовича Соболева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.